

М. М. ИПОЛИТОВ-ИВАНОВ О РЕДАКЦИИ «БОРИСА ГОДУНОВА»

В конце 20-х годов широко обсуждался вопрос о том, в чьей редакции—Н. Римского-Корсакова или авторской—ставить на сцене «Бориса Годунова» Мусоргского. Публикуемые ниже письма освещают отношение к этому вопросу двух крупнейших советских музыкантов—М. М. Ипполитова-Иванова и А. К. Глазунова.

Сцена у Василия Блаженного, о которой идет речь в письмах, существовала, как известно, только в первой, «предварительной» редакции Мусоргского (1869 года). После отказа дирекции императорских театров принять «Бориса Годунова» к постановке (1870 год) Мусоргский, очевидно, по цензурным соображениям сам исключил эту сцену из оперы. В редакцию Римского-Корсакова, вероятно, по тем же причинам она также не вошла.

Что касается «польского акта», то в «предварительной» редакции его не было совсем; Мусоргский включил его в оперу лишь в 1871 году (клавираусцуг). «Первоначально опера «Борис Годунов» должна была состоять из 4-х только действий и почти вовсе была лишена женского элемента,—писал В. В. Стасов.— Все ближайшие к Мусоргскому люди (в том числе и я), любуясь с восторгом на чудеса драматизма и правды народной, которыми наполнены были эти 4 акта, все-таки поминутно замечали ему, что опера его неполна... Уступая просьбам друзей, особенно моим и талантливого архитектора Виктора Гартмана, страстно любившего сочинения Мусоргского и особенно отрывки его «сцены у фонтана», он снова взялся за эту сцену, великолепные материалы для которой, уже давно прежде почти совершенно готовые, бог знает почему были им заброшены»¹. Наряду со «сценой у фонтана» была включена также упоминаемая в письмах сцена у Марины Мнишек в Сандомире (отсутствующая у Пушкина).

В приводимых письмах особенно интересно отношение М. М. Ипполитова-Иванова к сцене у Василия Блаженного; в оценке ее он выступает как идейно сформировавшийся советский художник, ясно понимающий роль народа в опере «Борис Годунов». Знаменательно также его высказывание, что если бы Римский-Корсаков жил после Великой Октябрьской Социалистической революции, то сам включил бы эту сцену в свою редакцию.

Как известно, после отказа Глазунова Ипполитов-Иванов инструментовал сцену у Василия Блаженного (а также сцену Бориса с Шуйским и сцену с попугаем), проявив замечательное знание стиля и технических приемов инструментовки Римского-Корсакова.

Публикуемые письма А. К. Глазунова к М. М. Ипполитову-Иванову и А. М. Пазовскому, а также письмо М. М. Ипполитова-Иванова к А. К. Глазунову хранятся в Центральном Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки, в архиве дирижера А. М. Пазовского.

Публикация и комментарии
Е. Рудаковой

¹ В. В. Стасов. Избранные статьи о М. П. Мусоргском. Музгиз, М., 1952. стр. 97.

Гатчина, Дворец-музей
4 сент[ября] 1926 г.

Дорогой Мих[аил] Мих[айлович].

Вчера мне вручили твое письмо. Чтобы не задерживать свой ответ, я отправил тебе телеграмму. В начале 80-тых годов я услышал оперу «Борис Годунов» в оригинальной инструментовке Мусоргского. В то время я очень увлекался ее музыкой, больше, чем теперь, но должен признаться, что я получил впечатление какой-то неудовлетворенности и некоторого разочарования. Главным образом мне мало понравилась неумелая, незвучащая и тенденциозная оркестровка оперы. К гармоническим корявостям я также уже в то время не мог оставаться равнодушным. Что касается приемов инструментовки, которые я именно и называю тенденциозными, то я потом узнал, что, например, партия альтов оказалась более объемистой, нежели партии 1-х и 2-х скрипок, упорно доминировал теноровый (2-й) тромбон (по Берлиозу теноровый тромбон звучнее и красивее альтового и басового, которые нередко молчали, и т. п.). Многие места, напр[имер], трезвон (специальность Р[имского]-Корсакова) совсем не выходили, как мы привыкли слушать их в фортепьянном исполнении. Tutti и массы временами звучали убого. Р[имский]-Корсаков, сознававший все это и самоотверженно взявшийся за выполнение трудной задачи переработки Бориса, с самого начала подвергался нападкам со стороны некоторых почитателей—фанатиков таланта Мусоргского. Сначала Р[имский]-К[орсаков] стал тщательно знакомиться с партитурой М[усоргского], но вскоре убедился, что это бесполезно. Зная отлично произведение Мусоргского по неоднократным камерным исполнениям его самим автором, превосходным пианистом, по разнообразию колоритности передачи напоминавшим А. Г. Рубинштейна, Р[имский]-К[орсаков] стал припоминать эту оркестровую звучность на фортепьяно и вкладывать ее в рамки своей художественной партитуры. Когда А. Г. Рубинштейн играл свои оркестровые произведения на ф.-п., то они звучали полнее и колоритнее, чем в оркестре. То же самое произойдет и с музыкой М[усоргского], если исполнять ее в не всегда удобоисполнимой, малокрасочной и тусклой оригинальной инструментовке. Как свидетель процесса создания Р[имским]-К[орсаковым] новой редакции, я не представляю себе произведения М[усоргского] без сотрудничества Р[имского]-Корсакова и убежденно стою за редакцию последнего в целом виде. Эта редакция отличается цельностью формы, и я решительно против замены сцены у Марины, вносящей контраст и разнообразие, неизвестной мне сценой на площади Василия Блаженного. При всем этом я должен сказать, что вряд ли постановка Бориса в оригинальном виде вызовет восторг большинства.

М. М. Ипполитов-Иванов за дирижерским пультом

Рис. А. Мазаева

Прости, пожалуйста, мне некоторые неясности изложения — я очень тороплюсь.

Искренно преданный тебе

Твой А. Глазунов

P. S. Мой привет Варваре Михайловне *.

*

А. К. Глазунов — А. М. Пазовскому
[Ленинград], 19 сент[ября] 26 г.
Многоуважаемый Арий
Моисеевич.

Прежде всего, позвольте мне указать на те соображения принципиального характера, в силу которых я отказался от предложения правления Б[ольшого] Московского театра, через М. М. Ипполитова-Иванова, обработать в духе Римского-Корсакова оставшуюся в рукописи сцену голодного бунта на площади Василия Блаженного из оп[еры] «Борис Годунов» М. П. Мусоргского.

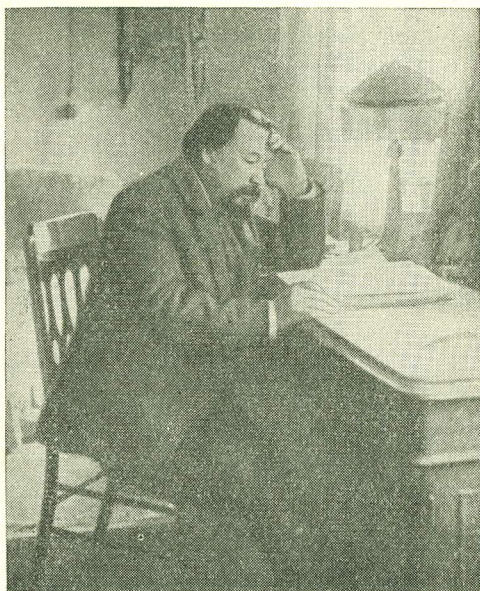
Редакция, или, выражаясь сухо, обработка и инструментовка Н. А. Римского-Корсакова оперы Мусоргского в значительной степени является как бы пересозданием этого произведения, как в области самой музыки, так и в отношении либретто. Несомненно, что Р[имский]-К[орсаков] не раз обдумывал план всех деталей, прежде чем придать своей работе окончательный вид. Много было им обращено внимания на приведение в стройную форму произведения и на удобоисполнимость целого.

По сравнению с оригинальной редакцией оперы «Борис Годунов», шедшей на сцене Мар[инского] театра в 80-тых годах прошлого столетия и напечатанной в виде клавирауссуга, кое-что было Римским-Корсаковым выпущено, как в музыке, так и в тексте, расхивившемся с Пушкиным.

Несомненно Р[имский]-К[орсаков] знал о сцене на площади Василия Блаженного, но тем не менее не включил ее в свою редакцию; в разговорах со мною он никогда не упоминал о существовании этой сцены, и я о ней понятия не имею. Ее нет в старом клавире и вовсе не имеется у Пушкина.

Римский-Корсаков является соавтором Мусоргского по «Борису Годунову» и в достаточной степени хозяином своей редакции, и я не считаю себя вправе вносить столь существенные перестановки, как замена одной сцены другою.

Мое твердое убеждение, что редакция Римского-Корсакова должна быть использована целиком, и потому я воздерживаюсь советовать кому-либо из музыкантов-композиторов братья за работу, являющуюся актом не вполне этичным по отношению к автору редакции Римскому-Корсакову, который, подобно Моцарту с обработкой «Мессии» Генделя, получил за

М. М. Ипполитов-Иванов

* Варвара Михайловна Зарудная — жена М. М. Ипполитова-Иванова.

свой самоотверженный и бескорыстный подвиг больше порицаний, чем похвал.

С совершенным уважением и преданностью

А. Глазунов

*

М. М. Ипполитов-Иванов — А. К. Глазунову

26 сент[ября] 26 г.
Москва, 19. Ул. Герцена, 13, кв. 1.

Дорогой и горячолюбимый Александр Константинович!

Обсудив сообща твое письмо к Арию Моисеевичу, мы решили внести в него маленькую поправку, а именно: 1) ты пишешь, что сцены у Вас[илия] Блаж[енного] у Пушкина нет, тогда как она есть и, по ходу развития драмы, она, конечно, нужнее сцены у Марины, которой, как известно, у Пушкина нет, а прибавлена она только потому, что в опере отсутствует женский элемент в виде большой партии. Ник[олай] Анд[реевич] исключил эту сцену (у Вас[илия] Бла[женного]) главным образом по цензурным условиям того времени: ее, конечно, не пропустили бы; таким образом, восстановление ее является своевременной и неотложной необходимостью, т. к. несомненно более соответствует намерениям Мусоргского, писавшего народную музыкальную драму, где, по его мысли, народ является действительно центральным лицом, даже более, чем сам Борис. 2) Что же касается этической стороны, то ведь мы не посягаем переделывать что-либо у Ник[олая] Анд[реевича] или Мусоргского, а вставляем новую, совершенно законченную и никогда не шедшую сцену, несомненно усиливающую впечатление развивающейся драмы, и я уверен, что если бы Н[иколай] Анд[реевич] был жив, то в настоящее время эта сцена была бы им восстановлена.

Мы надеемся, что ты «сменишь гнев на милость», уступишь нашей общей просьбе и инструментуешь ее, к нашей общей радости, в духе редакции Ник[олая] Анд[реевича].

Хотелось бы, чтобы работу нашего великого учителя Н[иколая] Анд[реевича] завершила рука большого мастера, и на этот подвиг ты должен пойти, как бы он ни был для тебя тяжел, ибо это долг, который нас всех обязывает, и если бы вследствие твоего отказа это пришлось бы, по настоянию Дирекции (которая решила во что бы то ни было восстановить эту сцену) пришлось бы делать мне, то я не убоюсь бы неизбежной ругани и взялся бы за это не потому, что уверен, что сделаю не хуже других наших московских музыкантов, а просто потому, что не хочу никого из них допустить прикоснуться к этим двум дорогим для меня именам, которых я знаю во всяком случае больше, чем кто-нибудь другой.

Будем ждать от тебя окончательного ответа и тогда решим, что делать.

Крепко, крепко тебя обнимаю
Твой М. Ипполитов-Иванов.

